

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И РЫНКА В РОССИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.14

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б. З. К 30-летию ВЦИОМ. Кинсбургский А. В. «Общественного мнения нет» — «общественное мнение есть» : интервью Б. З. Докторову // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 206—216. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.14.

For citation:

Doktorov B. Z. Celebrating VCIOM'S 30th anniversary. Kinsbursky A. V. "Public opinion does not exist" — "Public opinion exists" (interviewed by B. Z. Doktorov). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 3. P. 206—216. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.14.

Б. З. Докторов К 30-ЛЕТИЮ ВЦИОМ: КИНСБУРГСКИЙ А. В. «ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НЕТ» — «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЕСТЬ» (ИНТЕРВЬЮ Б. З. ДОКТОРОВУ)

К 30-ЛЕТИЮ ВЦИОМ: КИНСБУРГСКИЙ А. В. «ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НЕТ» — «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЕСТЬ» (ИНТЕРВЬЮ Б. З. ДОКТОРОВУ)

CELEBRATING VCIOM'S 30TH ANNIVERSARY: KINSBURSKY A. V. «PUBLIC OPINION DOES NOT EXIST» — «PUBLIC OPINION EXISTS» (INTERVIEWED BY B. Z. DOKTOROV)

*ДОКТОРОВ Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант, почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, Москва, Россия.
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru*

*Boris Z. DOKTOROV^{1, 2} — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Independent analyst and advisor; Doctor Honoris Causa; Titular Member
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru*

¹ Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

² Russian Academy of Social Sciences, Moscow, Russia

Интервью с ведущим научным сотрудником Института социологии РАН, кандидатом философских наук Александром Владимировичем Кинсбургским продолжает тему, начатую в предыдущих выпусках журнала¹. Речь идет о событиях,

¹ Докторов Б. З. Рождение ВЦИОМ как тема историко-социологического исследования // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 246—250. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.13 URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2017/138/2017_138_13_Doktorov.pdf; Докторов Б. З. Рождение ВЦИОМ как тема историко-социологического исследования. Тарусин М. А. ВЦИОМ. Рождение. Первые шаги в формировании опросной сети (Интервью Б. З. Докторову) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 246—262. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.13. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2017/138/2017_138_13_Doktorov.pdf.

удаленных от нас на три десятилетия, и о людях, создававших ВЦИОМ — первую в СССР государственную организацию по проведению общенациональных опросов общественного мнения. К тому моменту в стране был накоплен немалый теоретический опыт в познании различных форм, фракций массового сознания, в том числе — общественного мнения, велось изучение рабочих характеристик методов выявления и фиксации мнений. Вместе с тем, разворачивавшиеся в стране перестроечные процессы выдвигали перед социологами новые теоретические, методологические и прикладные задачи. Пожалуй, одна из главных задач того времени заключалась в переходе от проведения эпизодических замеров мнений по месту работы и региональных зондажей к системе регулярных, «фабричных» опросов населения СССР.

В решении этой задачи активное участие принимал Александр Кинсбургский, к тому времени прошедший в коллективе Б.А. Грушина серьезную школу организации опросов.

Я благодарен А.В. Кинсбургскому за согласие поделиться своими воспоминаниями. Полученная информация показывает, что, несмотря на недолгую историю существования ВЦИОМ, всего 30 лет, изучение истории его рождения будет весьма непростым.

Борис Докторов

Довциомовский период

Саша, у Вас очень долгий опыт работы в Институте социологии РАН (не буду перечислять все его «фамилии») и многолетний период работы с Борисом Андреевичем Грушиным. А что Вас так давно привело в социологию? Каким был Ваш путь в ИС?

После окончания школы в 1967 г. я поступил на философский факультет МГУ. На дневное отделение баллов не хватило: все-таки конкурс был сначала 20, а после зачисления льготников — вообще сто человек на место, поэтому пришлось пойти на вечернее отделение. По тогдашним правилам вечерники должны были работать, и лучше — по профилю будущей специальности. Весной 1968 г. мы вместе с моим другом-однокурсником Сергеем Мотковым попытались найти ра-

боту по профилю обучения, но это оказалось не простым делом. После нескольких неудачных попыток узнали, что другой наш однокурсник Валерий Мальцев, который раньше работал с Борисом Андреевичем Грушиным в «Комсомолке», может нас ему рекомендовать. К тому времени я уже прочитал книгу «Мнения о мире и мир мнений» и был от нее под большим впечатлением. Как-то раз мы пришли в здание ЗВПШ (Заочной высшей партийной школы) на Ленинградском проспекте, где на пятом этаже работали сотрудники Грушина. Валера представил нас Якову Самуиловичу Капелюшу, который в то время был кем-то вроде администратора в проекте «Общественное мнение». Он сразу определил нас на работу к Вадиму Сазонову в процедуру «Престиж профессий». После Сазонова мы перешли к Тамаре Моисеевне Дридзе в исследование семиотических установок. В штате сотрудников проекта сначала числились временно, а в декабре 1968 г., когда появилась возможность, нас зачислили на низшие должности — младшими научно-техническими сотрудниками — в Институт конкретных социальных исследований АН СССР.

Так я пришел в социологию, вернее, в проект Б. А. Грушина. Мои научные интересы, правда, были несколько другими: еще со школы я интересовался проблемами личности, потому и выбрал философский факультет. В этом смысле ядовская проблематика была мне ближе, хотя о Владимире Александровиче Ядове тогда ничего не слышал и познакомился с его работами позже.

В проекте «Общественное мнение» проработал до осени 1973 г. В эти годы участвовал в разных исследованиях и процедурах, работал вместе с Г. Токаровским, Л. Гафт, Я. Капелюшем, Е. Таршисом, А. Жаворонковым и другими. После окончания университета (диплом писал на кафедре прикладной социологии по типологии личности) пришлось на год уйти в армию, а когда вернулся, грушинского проекта в Институте уже не было. Зинаида Тихоновна Голенкова, которую я знал по работе в проекте, посоветовала мне пойти в сектор молодежи и образования к Ф. Р. Филиппову. У Фридриха Рафаиловича проработал около десяти лет, в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по социологии образования. В это же время принимал участие в проекте Г. В. Осипова по социальным показателям. Несколько лет возглавлял комсомольскую организацию Института.

В 1985 г. перешел в сектор социального развития молодежи, которым руководил В. И. Чупров. Вместе с другими сотрудниками сектора — Викторией Семеновой, Мариной Малышевой, Людмилой Коклягиной — участвовал в проекте М. Х. Титмы «Жизненные пути молодежи». В начале 1988 г. перевелся в только что созданный ВЦИОМ, где проработал немногим менее двух лет. В начале 1990 г. вновь вернулся в Институт социологии, в котором продолжаю работать до сих пор.

В 1990-е годы директором Института был Владимир Александрович Ядов, который всячески поощрял научную и административную самостоятельность сотрудников. Вместо отделов и секторов он ввел проектную структуру организации исследований. Вместе с Михаилом Топаловым организовал проект по изучению социальной напряженности, точнее, протестных настроений и действий в российском обществе. Параллельно с 1990 г. работал в Службе изучения общественного мнения Vox Populi проф. Б. А. Грушина. Затем — в Центре исследований общественного мнения «Глас народа», который после ухода Б. А. Грушина в конце 1998 г.

учредили ведущие сотрудники Службы ВР. С момента основания и до настоящего времени являюсь исполнительным директором Центра.

Вместе со многими сотрудниками Института в 1999—2012 гг. преподавал на факультете социологии Государственного академического университета гуманитарных наук, основанном В. А. Ядовым. В последние годы возглавлял на факультете кафедру прикладной социологии.

Когда Ядова на посту директора сменила Л. М. Дробижева, она предложила включить наш проект в один из центров Института. Я выбрал центр конфликтологии, которым руководил Е. И. Степанов. Руководствовался тем, что проблематика социальной напряженности носит в основном конфликтологический характер. С приходом в Институт нового директора М. К. Горшкова центр конфликтологии был реорганизован в центр региональной социологии и конфликтологии под руководством В. В. Маркина. В центре была создана группа социологии конфликта. Таким образом, получается, что в Институте социологии РАН формально работаю с 1968 г., т. е. без малого 50 лет с двумя небольшими перерывами — служба в армии и работа во ВЦИОМ.

Итак, похоже, Вы начали свою социологическую карьеру, когда Вам не было и 20 лет; такого раннего старта среди моих полутора сотен опрошенных не встречалось. Я так понял, что Вы работали со многими участниками «Таганрогского проекта», в чем заключалась Ваша деятельность и с кем Вы были в наиболее добрых отношениях?

Без вузовского диплома претендовать на чисто научную деятельность в «Таганрогском проекте» я не мог, поэтому занимался так называемой технической работой, хотя, как правило, это было довольно интересным и непростым делом. В «докомпьютерную» эпоху (до появления персональных компьютеров) технической, в том числе «ручной» работы в социологии было очень много: бесконечное перепечатывание рабочих документов на машинке, приемка и проверка больших массивов анкет «с поля», расшифровка и кодирование ответов респондентов, подготовка кодировочных бланков для компьютерной обработки, изготовление таблиц для анализа данных на основе компьютерных табуляграмм, подготовка социологических результатов к публикации и др.

Компьютерная (машинная) обработка составляла лишь малую часть труда социологов. Из-за несовершенства программного обеспечения, долгих очередей на компьютерную станцию, частых поломок компьютеров (знаменитые машины «Минск-32») нередко приходилось отказываться от компьютерной обработки и прибегать к очень трудоемкому ручному счету.

Вообще занятие социологией в ту пору называли «преимущественно физическим трудом», имея в виду перетаскивание тяжелых тюков с анкетами из типографии в «поле» и с «поля» в офис на обработку.

У Вадима Сазонова в процедуре «Престиж профессий» занимался кодированием ответов респондентов на вопросы, кем хотели бы работать, какие профессии считают наиболее уважаемыми и т. д. Код был очень пространный (около ста страниц) и довольно сложный (двойной и даже тройной). На одну запись приходилось «навешивать» по два и три кодовых значения. Сначала этот код надо было выучить, а потом при работе постоянно «держат в голове».

В исследовании Т. М. Дридзе речь шла также о первичной обработке анкет, но кроме того помогал Тамаре Моисеевне конструировать семиотические группы по результатам социопсихологических тестов (шкала Осгуда, ассоциативная методика, определение респондентами иностранных понятий и др.), что было крайне интересно.

Потом, уже в новом помещении проекта на Кожуховской улице, работал с Герой Токаровским, обрабатывал карточки с информацией о письмах респондентов в органы власти и СМИ. В следующем офисе — на Парковой улице — обрабатывал анкеты и табуляграммы в исследовании Яши Капелюша, посвященном работе депутатов. Осваивал технику контент-анализа материалов СМИ в процедуре Ефима Таршиса. Помогал Саше Жаворонкову печатать итоговые (выходные) таблицы разных процедур с распределением ответов по социально-демографическим, социально-экономическим и социально-психологическим признакам и т. д.

Летом 1969 г. во время командировки в Таганрог участвовал в сборе первичной информации по процедуре Ларисы Гафт «Трансмиссия общественного мнения». В рамках процедуры Володи Покидова опросил руководителя одного из техникумов города, приобретя, таким образом, первый опыт формализованного социологического интервью.

Кроме того, Борис Андреевич Грушин привлек меня к изданию информационных сборников «47 пятниц»: я занимался составлением и техническим редактированием второго и пятого выпусков. Таким образом, за время работы в проекте приобрел большой и разнообразный опыт «технической» работы, что пригодилось мне потом уже в статусе научного сотрудника Института.

Коллектив проекта делился на руководителей (Б. А. Грушин и его заместители В. Я. Нейгольдберг и М. С. Айвазян), авторов исследований и исследовательских процедур (научные сотрудники и аспиранты) и технических работников. Авторами были в основном участники грушинских методологических семинаров на факультете журналистики МГУ, которые проходили по пятницам (отсюда название «47 пятниц»). Состав технических работников был более разнообразным — студенты-вечерники, выпускники разных вузов, проявлявшие интерес к социологии, домохозяйки, решившие временно подработать и др. Большинство участников проекта были примерно одного — молодежного возраста. В коллективе преобладали деловые, но доброжелательные, дружеские отношения, которые в основном сохранились и после завершения проекта. Одна часть участников осталась в Институте, в отделе изучения общественного мнения — В. Коробейников, Г. Токаровский, В. Войнова, Е. Таршис, А. Возьмитель, А. Жаворонков. Другие — Я. Капелюш, В. Сазонов, Е. Андрющенко, В. Кефели, В. Никитина и др. — ушли из Института, но связь с ними не прерывалась. Вместе с З. Голенковой, С. Быковой и Л. Гафт я продолжил работать в Институте в секторе молодежи и образования у Ф. Р. Филиппова.

Добрые отношения сложились у меня со многими участниками проекта. Яша Капелюш помог мне с трудоустройством жены в Институт культурологии, а потом пригласил на работу во ВЦИОМ. Гера Токаровский не раз помогал и словом, и делом. С Андреем Возьмителем вместе занимались социологическими подработками на телевизиорном заводе «Рубин». Теплые, доверительные отноше-

ния связывали меня с Тamarой Дридзе, Ларисой Гафт (до ее отъезда в Америку), Ефимом Таршисом, Сашей Жаворонковым. В середине 1990-х гг. уже я пригласил Вадима Сазонова на работу в Службу «Vox Populi», и мы вместе проработали вплоть до его неожиданной кончины. С Женей Андрищенко до сих пор перезваниваемся, а с Семеном Сафро — переписываемся, хотя он давно живет в Канаде.

Работа во ВЦИОМ

На Грушинской конференции наш коллега Петр Залесский обратил внимание участников на то, что этот год — юбилейный, полвека «Таганрогскому проекту». Судьба его сложна, но однозначно — это важный элемент нашей науки и нашей истории. Как Вы думаете, почему Б. А. Грушин вспомнил о Вашем с ним сотрудничестве и одним из первых позвал Вас во ВЦИОМ? Как это происходило?

Первым во ВЦИОМ Грушин позвал, конечно, Капелюша, как самого верного и преданного сотрудника еще со времен Института общественного мнения (ИОМ) «Комсомольской правды». Капелюш в свою очередь пригласил меня, безусловно, с согласия Грушина. Борис Андреевич считал меня «таганрожцем», не только прошедшим определенную школу в проекте «Общественное мнение», но и разделявшим его идеологию.

Могу предположить, что Грушин рассчитывал в какой-то мере повторить во ВЦИОМ опыт «Таганрогского проекта». Видимо, он исходил из того, что у него есть карт-бланш от Т. И. Заславской на организацию опросов общественного мнения, а Татьяна Ивановна, думал он, «прикроет Центр сверху». Если кратко и схематично характеризовать технологическую специфику «Таганрогского проекта», то она заключалась в «фабричной» организации труда в отличие от относительно вольготного «академического» стиля работы других подразделений Института социологии (библиотечные дни, мягкий график работы и т. д.). В точном смысле слова фабричной организации во ВЦИОМ, естественно, быть не могло, однако речь шла о внедрении таких важных элементов, как глубокая специализация и кооперация труда, формализация и стандартизация документов, жесткий график работы, строгая исполнительская дисциплина и т. д.

Откуда взялась приверженность самого Грушина «фабричной» организации труда полстеров, я не знаю. Возможно, повлиял опыт ИОМ КП или знакомство с работой частных исследовательских компаний по изучению общественного мнения во Франции, где Борис Андреевич был в командировке в 1968 или 1969 г. Помню только, как он рассказывал о своих впечатлениях на ученом совете в Институте философии и сравнивал реакцию на его появление в академическом учреждении и в частной коммерческой структуре: в первом случае его сразу обступили и начали расспрашивать, во втором — даже не повернули головы.

Сразу надо сказать, что внедрить «фабричную» организацию во ВЦИОМ Грушину полностью не удалось. С самого начала коллектив Центра складывался из двух команд: одну набирал Грушин, другую — Т. И. Заславская. В команду Грушина входили в основном те, с кем он работал в «Таганрогском проекте» и Институте философии. Команду Заславской составляли, как правило, экономисты, не имевшие социологического опыта. Потом в Центр пришла еще одна команда во главе

с Ю. А. Левадой. Ее представления об организации опросов были скорее «академическими», предполагавшими, что автор исследования может участвовать в переговорах с заказчиком, в программировании исследования, в разработке методических документов, в первичной обработке данных, в анализе полученной информации и в представлении (публикации) результатов. Он не обязан контролировать только полевые работы и компьютерную обработку данных. Для Бориса Андреевича такой подход был тогда, думаю, неприемлем.

Вопрос о том, как на самом деле лучше организовать опросы общественного мнения, до сих пор остается открытым. Опыт деятельности ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-Центра» и других отечественных служб изучения общественного мнения показал, что наиболее эффективно в этом смысле, видимо, какое-то сочетание «фабричного» и «академического» стиля. Причем каждая организация сама определяет пропорции того и другого, исходя из своих ресурсов и интересов.

Теперь о том, как я пришел во ВЦИОМ. О том, что ЦК КПСС принял решение о его создании под руководством Заславской и Грушина, быстро узнали все, кто работал в Институте социологии. Как-то, повстречав меня, Володя Шапиро спросил: «Ну, что? Труба зовет?», имея в виду «грушинский» призыв во ВЦИОМ. Я радостно согласился. Через некоторое время Володя отвез меня в подмосковный санаторий и представил Т. И. Заславской, которая там то ли отдыхала, то ли лечилась. Состоялся непродолжительный, но демократичный и доброжелательный разговор, после которого было принято окончательное решение о моем переходе из Института во ВЦИОМ. К тому времени Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) уже выделил небольшое помещение в Центральном доме туриста на Ленинском проспекте. Таким образом, в начале 1988 г. я встретился в Центре с Грушиным и Капелюшем уже в качестве одного из сотрудников ВЦИОМ.

А потом, помните, в Ленинграде, в гостинице «Прибалтийская», где состоялось мое знакомство с Татьяной Ивановной, и Вы были. Так что в моих мемуарах и Вы принимали участие. Но, если не ошибаюсь, за день-два до этого мне звонил Яша Капелюш, он настроил меня... Итак, Вы — сотрудник ВЦИОМ, пока — в отделе Капелюша... в чем заключались Ваши функции?

Спасибо, что напомнили о нашей встрече в ленинградской гостинице «Прибалтийская».

Главной задачей отдела Капелюша в тот момент была организация региональной сети опорных пунктов ВЦИОМ, необходимая для проведения тогда еще все-союзных опросов. Трудностей с подбором социологов в опорные пункты не было, поскольку у всех, кто этим занимался (а занимались в той или иной мере все, включая Грушина и Заславскую), были обширные научные и деловые связи по всему Советскому Союзу. Проблема состояла в другом: договориться с местными профсоюзными органами о выделении помещений под опорные пункты и их элементарном оборудовании. Сам Центр брался поставить в регионы компьютерную и множительную технику.

Помню, с каким трудом Татьяне Ивановне удалось, наконец, «выбить» из ВЦСПС порядка двухсот тысяч долларов, которые были потрачены на приобретение техники. В то время это были большие и вполне достаточные деньги для закупки

десятков персональных компьютеров, копиров, факсов и др. Следует заметить, что сами сотрудники центрального аппарата ВЦИОМ далеко не сразу получили свои персональные компьютеры.

Для организации региональной сети сотрудники Центра должны были выезжать в командировки. Мне пришлось съездить в Пермь, Красноярск, Вильнюс и, как вспомнилось, в Ленинград. Местные профсоюзные работники охотно принимали, селили в профсоюзных гостиницах типа «Турист», но не очень хорошо понимали, чем будут заниматься опорные пункты и, главное, зачем им — профсоюзам — это нужно. Приходилось объяснять научные задачи изучения общественного мнения, технологию проведения опросов и т. д.

Общение с профсоюзниками мне не очень нравилось и, надо признать, не вполне давалось. Но, так или иначе, региональная сеть росла, и, естественно, возникал вопрос, кто будет ее содержать. Сотрудники центрального аппарата ВЦИОМ числились в штате ВЦСПС. Местные профсоюзы в лучшем случае могли взять на зарплату руководителей опорных пунктов и одного-двух их заместителей. А кто и как будет оплачивать работу анкетеров, интервьюеров, компьютерных программистов и других? Сама собой возникала задача перехода от «советской» системы организации опросов к коммерческой, принятой в остальном мире.

Суть «советской» организации опросов состояла в том, что она держалась, с одной стороны, на энтузиазме профессиональных социологов — научных сотрудников, вузовских работников и др., которые, получая зарплату по основному месту работы, были готовы дополнительно и бесплатно работать «за свой научный интерес» (подготовка публикации, диссертации и прочее). С другой стороны, эта система держалась на «барщине», т. е. добровольно-принудительном участии в опросах студентов, учителей, библиотекарей, инженерно-технических работников и других категорий интеллигенции в качестве анкетеров и реже — интервьюеров. «Барщина» была возможна только благодаря партийным органам — от ЦК до парткомов, без разрешения и помощи которых, во-первых, ничего бы не получилось, во-вторых, нельзя было и шагу ступить. Опросы проходили преимущественно по месту работы или учебы респондентов, которых администрация на это время освобождала от выполнения прямых обязанностей. Таким образом, в советское время проведение опросов тоже не было бесплатным. Просто финансовые затраты были скрыты, но их можно было в принципе посчитать.

Коммерческая организация опросов предполагала, напротив, явную и открытую оплату труда всех участников и вообще подсчет всех расходов на исследование. Нужен был финансовый договор с заказчиком, правильно составленный бюджет, более-менее обоснованные расценки на оплату разных видов работ и т. д. Такой подход к организации опросов для многих советских социологов был непривычен и вообще незнаком. Однако в уставе ВЦИОМ предусмотрительно была записана возможность выполнения хоздоговорных работ, которой и стали активно пользоваться. А региональные опорные пункты превратились во что-то вроде модных в то время кооперативов при профсоюзных органах.

Как только начались опросы, возникла задача их методического обеспечения. Речь шла о том, чтобы выпускать в поле более-менее приличные с профессиональной точки зрения полевые документы. Это тоже была функция отдела Капелюша,

в том числе и моя. У отдела было право и возможность не пускать в поле недоделанные полевые документы. Сотрудники отдела вместе с авторами исследований, как правило, не имевшими опыта эмпирической социологии, докапывались до замысла вопросов, выстраивали их логическую конфигурацию, навешивали вспомогательные кодовые позиции, выверяли лексику формулировок вопросов и ответов с учетом особенностей обыденного сознания и т. д. На заключительном этапе проводили общую верстку полевых документов и составляли сопровождающие инструкции. Часто возникали споры, и довольно острые: методисты обвиняли авторов в социологической безграмотности, авторы методистов — в незнании темы. Но постепенно те и другие набирались опыта взаимодействия и как-то притирались. С новой силой эти споры разгорелись с приходом команды Ю. А. Левады (Л. Гудков, Б. Дубин, А. Левинсон, А. Гражданкин, Н. Зоркая и др.). Но это уже — следующий этап и другая тема.

Вокруг чего велись споры с Ю. А. Левадой и его сотрудниками? Речь шла об ином, чем предполагал Б. А. Грушин, понимании природы общественного мнения, что обычно обнаруживается лишь в серии опросных документов, или вокруг формулировок вопросов?

Открытых методологических конфликтов между Грушиным и Левадой в то время не помню, возможно, я в них просто не участвовал. Споры шли в основном вокруг конкретных замыслов и формулировок вопросов. Это потом принципиальные разногласия оформились в дилемму: «общественного мнения нет» (Грушин) — «общественное мнение есть» (Левада). Первоначально Грушин просто иронизировал по поводу вопросов типа: что лучше — демократия или порядок?

Несмотря на научные разногласия, личные отношения между Грушиным и Левадой были очень близкими, можно даже сказать, трогательными. Помню, на одном заседании Грушин заявил, что самым дорогим для него человеком в Центре является Ю. А. Левада. Хотя уже тогда, предполагаю, он понимал, что Заславская пригласила Леваду во ВЦИОМ для того, чтобы уравновесить влияние Грушина.

Конечно, общественного мнения в грушинском понимании — рационального, всесторонне обоснованного, выверенного в процессе коммуникативного общения — и тогда не было, и сейчас нет. Опросы населения фиксируют скорее общественные настроения, оценки, надежды, страхи, мечты и другие феномены массового сознания, которые и являются реальным объектом опросных методик. А общественное мнение в понимании Грушина — это скорее абстрактная теоретическая конструкция или общественный идеал, недостижимый в полной мере, как в России, так и за рубежом. Короче, тот теоретический спор о природе общественного мнения, который возник между Грушиным и Левадой, не кончился до сих пор.

Методические же споры были более конкретными, например, по поводу того, что нельзя путать исследовательские вопросы и вопросы для респондентов. Конечно, искушение задать в поле исследовательский вопрос было велико, поэтому приходилось объяснять авторам полевых документов, что нужно учитывать уровень информированности и компетентности обыденного сознания, не использовать научные термины, обращаться к респондентам на языке средств массовых коммуникаций, избегать канцеляризма и т. д.

Труднее всего было донести идею, что задать респондентам можно в принципе любой вопрос — бумага все стерпит, а люди на все так или иначе ответят, однако потом у авторов возникнут проблемы с интерпретацией полученных данных. Но, видимо, это обстоятельство не всех смущало, так как некоторые заранее знали, какие результаты хотят получить.

Так или иначе, интерес, который у меня первоначально возник к методической работе во ВЦИОМ, постепенно угас. К тому времени Б. А. Грушин ушел из Центра и увел с собой в Службу «Vox Populi» заместителя ученого секретаря А. Т. Семченко и отличного методиста Э. Д. Азарх. Тяжело заболел и вскоре умер Яша Капелюш. Тогда я понял, что и мне пора уходить, хотя заместитель директора В. М. Рутгайзер предлагал остаться, говорил, что меня никто не гонит из ВЦИОМ.

Я попросил М. Х. Титму поговорить с Ядовым, чтобы он взял меня обратно в Институт социологии, что и произошло. В следующем году я встретился с Борисом Андреевичем на одном из семинаров в Институте общественных наук, где директором в это время был Ю. А. Красин. Грушин предложил мне сотрудничать с ним в Службе «Vox Populi» в качестве аналитика-методиста, и я согласился, поскольку речь шла о совместительстве наряду с основной работой в Институте социологии. В Службе VP проработал до ее закрытия в конце 1998 г., когда Грушин решил полностью сосредоточиться на подготовке издания «Четыре жизни России».

Мне казалось, что Ю. А. Леваду с его сотрудниками пригласил именно Б. А. Грушин. Значит, это было не так?

Возможно, Заславская настояла, чтобы приглашение Леваде исходило именно от Грушина (поскольку они были друзьями), но я отчетливо помню, что и Грушин, и Капелюш в конечном счете выражали недовольство приходом Левады и его команды.

По Вашему мнению, в силу каких причин Б. А. Грушин расстался с ВЦИОМ? Мы с Вами знаем, что создание институции для изучения мнения населения страны было мечтой и делом всей его жизни.

Почему Грушин все-таки ушел из ВЦИОМ, вопрос непростой. Как всегда, сложился, видимо, комплекс причин, главная из которых, по-моему, разочарование: реальный ВЦИОМ существенно отличался от его мечты, от представлений о должном. В глубине души он, возможно, видел себя руководителем Центра, но понимал, что это нереально.

Кроме того, у Бориса Андреевича возникли «стилистические разногласия» с командой Левады. Он был, что называется, перфекционистом «по жизни», и в изучении общественного мнения стремился довести до совершенства содержание любого исследования, в том числе рабочих документов. Как-то при обсуждении очередного опроса он высказал свои замечания, но услышал в ответ: «Вам что важнее — шашечки или ехать?». Результаты опросов общественного мнения уже тогда были больше нужны для публицистических выступлений и участия в политических дискуссиях руководителей Центра.

Здесь возникает проблема: возможно ли объективное, беспристрастное изучение общественного мнения или исследователь всегда вынужден занимать ту или иную общественную позицию, которая неизбежно скажется на теоретических и методологических подходах. На практике Грушин придерживался скорее первой

точки зрения, однако бурные политические события последних лет существования СССР придавали все больше веса второй. В 1989 г. Т. И. Заславская, как известно, стала народным депутатом СССР, активно работала в оппозиционной межрегиональной депутатской группе, опираясь на поддержку ВЦИОМа и, прежде всего, Ю. А. Левады и его команды. Участие в политике Грушин предпочел изучение общественного мнения в независимой Службе «Vox Populi», которая первоначально была оформлена как индивидуальное частное предприятие. Борис Андреевич исходил, видимо, из того, что результаты исследований общественного мнения должны работать не столько на политическую «злобу дня», сколько на длительную перспективу, на «становление гражданского общества» в стране.

Спасибо, Саша! Ваши воспоминания — это не только ответы на вопросы о рождении ВЦИОМ, но и вопросы для новых поисков. С тех пор прошло всего 30 лет — казалось бы, небольшой для исторического исследования период, ведь история — «дальнозорка», однако оттягивать начало изучения процесса создания ВЦИОМ — совсем неправомерно. Прошлое может оказаться совсем недоступным.